

с. 2.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

Въ концѣ прошлаго года въ «Русской Мысли» былъ напечатанъ прекрасный психіатрическій этюдъ Антона Чехова «Палата № 6». Въ этомъ этюдѣ Чеховъ вывелъ въ лицѣ доктора психіатрической больницы Андрея Ефимыча Рагина весьма распространенный у насъ типъ «россійскаго лешабока», оправдывающаго свое ничтожество и полный общественный индифферентизмъ вышшими философскими соображеніями, почерпнутыми изъ своего образнаго понятнаго ученія Шопенгауэра, Гартмана и другихъ пессимистовъ. «Къ чему вѣшать людямъ умирать — разсуждаетъ Андрей Ефимычъ, если смерть есть нормальный и законный конецъ каждому? Что изъ того, если какой нибудь торгошъ или чиновникъ проживетъ лишніе пять, десять лѣтъ? Если же владѣть цѣль медицины въ томъ, что лѣкарства облегчаютъ страданія, то невольно напрашивается вопросъ, зачѣмъ ихъ облегчать? Во первыхъ, говорить, что страданія ведутъ человека къ совершенству, и, повторить, если человечество въ самомъ дѣлѣ научится облегчать свои страданія пилулами и каплями, то оно совершенно заброситъ религію и философію, въ которыхъ до сихъ поръ находило не только защиту отъ всякихъ бѣдъ, но даже

счастье. Пушкинъ передъ смертью испытывалъ страшныя мученія, бѣдняжка Гейне нѣсколько лѣтъ лежалъ въ параличѣ; почему же не поболѣть какому нибудь Андрею Ефимычу или Матрентѣ Савишичъ, жизни которыхъ безсодержательна и была бы совершенно пуста и похожа на жизнь амобы, если-бы не страданія?»

И, успокоивъ себя такими мудрыми изреченіями, нашъ доморощенный философъ безмятежно сидитъ, сложа руки, и не ударитъ пальца о палецъ для облегченія страданій своихъ пациентовъ. Психіатрическая больница, находящаяся въ его распоряженіи, содержится невротично грязно, больныхъ корнями отяготившей нищей, сторожа обращаются съ ними грубо и жестоко, но Андрей Ефимычъ невозмутимо смотритъ на всѣ эти безобразія и ничего не предпринимаетъ для ихъ устраненія, находя, что «между теплымъ уютнымъ кабинетомъ и грязной больничной палатой, въ сущности, нѣтъ никакой разницы, ибо покой и довольство человека не въ его, а въ немъ самомъ».

Какъ-то разъ между Андреемъ Ефимычемъ и его пациентомъ Иваномъ Дмитричемъ Роговымъ происходитъ слѣдующій разговоръ:

— «Почему я и вотъ эти несчастные, восклицаетъ Роговъ, должны сидѣть тутъ за всѣхъ, какъ козлы отпущенія? Вы, фельдшеръ, смотритель и вся больничная сволочь въ нравственномъ отношеніи неизвѣрно ниже каждаго изъ насъ, поче-

му же мы сидимъ тутъ, а вы нѣтъ? Гдѣ логика?»

— Нравственное отношеніе и логика, спокойно отвѣчаетъ Андрей Ефимычъ, тутъ не причемъ. Все зависитъ отъ случая. Кого посадили, тотъ сидитъ, а кого не посадили, тотъ гуляетъ — вотъ и все.

— Это ужасно! Но что же мы дѣлать? Что?

— Вы спрашиваете, что дѣлать. Самое лучшее въ нашемъ положеніи — бѣжать отсюда. Но, къ сожалѣнію, это бесполезно. Васъ задержатъ. Когда общество ограждаетъ себя отъ преступниковъ, психически-больныхъ и вообще неудобныхъ людей, то оно необходимо. Вамъ остается одно: успокоиться на мысли, что ваше пребываніе здѣсь необходимо.

— Никому оно не нужно!

— Разъ существуютъ тюрьмы и сумасшедшіе дома, то долженъ же кто нибудь сидѣть въ нихъ. Не вы, такъ я, не я, такъ кто нибудь третій...»

И Андрей Ефимычъ спокоенъ. Ничто его не терзаетъ, ничто не волнуетъ. На самыя жгучія изны окружающей жизни онъ смотритъ съ такимъ же безмятежнымъ спокойствіемъ, какъ на восходъ солнца, на игру дѣтей, на плещущихся въ рѣкѣ утокъ... Правда нѣкоторые намеки на угрызения совѣсти являются порой и у него (нельзя же безъ нихъ), но онъ ихъ тотчасъ искусно парализуетъ разсужденіями въ родѣ слѣдующаго: «я служу предному дѣлу и получаю жалованье отъ людей,

которых обманываю; я — не честен. Но ведь сам по себе я — ничто; я только частица необходимого зла: все уязвимые чиновники вредны и даром получают жалованье... Значит, в своей нечестности виноват не я, а время. Родись я двумястами летъ поздише, я былъ бы другимъ. И совесть Андрея Ефимыча снова успокаивается.

Только въ концѣ своей жизни, когда окружающіе посадили его самого въ сумасшедшій домъ и когда больничный служитель Никита началъ обращаться съ нимъ такъ же грубо и жестоко, какъ и съ прочими умалишенными, Андрей Ефимычъ съ ужасомъ понялъ, какую невосвратную массу оскорбленій и страданій приходилось «годами изо дня въ день» испытывать его бывшимъ пациентамъ, ставшимъ теперь по злой проиш судьбы его товарищами по несчастью, и «страшная, невыносимая мысль» мелькнула въ его головѣ: «какъ могло случиться, что въ продолженіе болѣе, чѣмъ двадцати лѣтъ, онъ не зналъ и не хотѣлъ знать этого? Онъ не зналъ, не видѣлъ понятія о боли, значить, онъ не виноватъ, но совесть, такая же неговорчивая и грубая, какъ Никита, заставила его похолодѣть отъ затылка до пятъ». Къ сожалѣнію, просвѣтленіе Андрея Ефимыча было слишкомъ поздно. Физическія страданія и оскорбленія, которыя онъ испытывалъ и которыхъ прежде ему никогда не приходилось испытывать, подѣйствовали такъ потрясающе на его

организмъ, что чрезъ нѣсколько часовъ онъ скончался отъ апоплексическаго удара.

Таковъ одинъ изъ типовъ нашихъ общественныхъ «лежебоковъ». Конечно, Андрей Ефимычъ есть наиболее яркій представитель своего типа, наиболее выпуклое его проявленіе, отънесенное къ тому же нѣкоторыми чисто-индивидуальными патологическими чертами. Но это нисколько не измѣняетъ существа дѣла. Основныя свойства Андрея Ефимыча — тѣ же, что и всѣхъ его собратьевъ: такъ же, какъ и они, онъ спокойно смотритъ на чужія страданія и сидитъ, сложа руки, оправдывая себя тѣмъ, что въ этомъ именно заключается высшее «разумнѣе вещей», высшее духовное развитіе и высшая философія. Что же касается нѣкоторыхъ патологическихъ чертъ въ его характерѣ, то кто знаетъ, быть можетъ, эти черты и есть наиболее характерныя особенностипа «лежебока», доведеннаго до кульминаціоннаго пункта своего развитія?...

Однородный съ только что описаннымъ типъ выведенъ и въ повѣсти Элизы Ожешко «Дикарка», печатающейся въ настоящее время на страницахъ «Вѣстника Европы». Разница заключается только въ томъ, что Здиславъ, Даля, Брениславъ, Леонъ, Юзіо и другіе представители «золотой молодежи», фигурирующіе въ повѣсти Ожешко, спокойно созерцаютъ общественныя язвы и сидятъ, сложа руки, не потому, чтобы они считали борьбу съ этими язвами ненужной и нецѣлесообразной,

В. Л. Леонидовичъ.